

The logo for EKSMO DIGITAL is centered at the top. It consists of the word "EKSMO" in a bold, black, sans-serif font, followed by a red square icon with a white diagonal line. Below it, the word "DIGITAL" is written in a similar font, with a small red square above the letter "I".

ЕКСМО
DIGITAL

ЛИЛЯ, ДОЧЬ ЛАРИСЫ

КСЕНИЯ СЛАВУР

Ксения Славур
Лиля, дочь Ларисы

«Eksmo Digital»

Ксения Славур

Лиля, дочь Ларисы / Ксения Славур — «Eksmo Digital»,

Лиля - москвичка, врач, надежно замужем, имеет дочь старшекласницу – была поздним ребенком, родители жили для нее. Лиля осуждает свою мать, выстроившую насыщенную жизнь после смерти отца; предательство матерью памяти отца омрачает ее существование. Дочь Лили Света беременеет школьницей. Муж гибнет в счастливый период новоселья. Света убивает себя после разрыва с женихом. Лиля наносит ножевое ранение Славику, несостоявшемуся жениху дочери. Лилю осуждают к лишению свободы. В следственном изоляторе она переживает душевный кризис и преображается. В колонии знакомится с доктором, бывшим заключенным, у них возникают отношения. Лиля беременеет. Она полна жажды жизни и понимает, что очень похожа на свою мать.

Часть 1

– Не бывает такого, чтобы поступить как попало, а потом вернуться к моменту, с которого хочется продолжить. Время непрерывно, – ласково сказала Лариса Ивановна, то ли поддерживая Леночку, то ли пеняя ей.

Леночка, совсем молоденькая медсестра при Ларисе Ивановне, готовилась к приему пациентов, попутно плачась о своей незавидной доле. Незавидность заключалась в том, что Леночка разругалась со своим женихом, на этот раз, кажется, окончательно.

– Нет, ну он же первый начал! – сдерживала всхлипывания вконец расстроенная вчерашняя невеста. Ей очень хотелось расплакаться, но густо накрашенные ресницы вынуждали крепиться. – Он пригласил на танец эту кочергу, и я своими глазами видела, как он на нее смотрел! На меня он так никогда не смотрееел! Конечно, я разозлилась и стала кокетничать с Вовчиком, я же не знала, что этот пьяный дурак полезет целоваться! – Леночка жалобно скульнула. – Первый, главное, начал, а мириться не хочет! Говорит, что не забудет подлость моего характера. Если моя ответочка – это подлость, то его поведение тогда что? И что тут забывать? Просто не надо думать об этом и все! Начать, вернее, продолжить с того момента, когда нас позвали на эту вечеринку и мысленно отказаться от нее! Я, например, готова забыть его взгляд на эту швабру! Почему он уперся? – Леночка посмотрела на свою шефиню в поиске поддержки, но Лариса Ивановна мягко повторила:

– Потому что ваши поступки уже существуют в пространстве и уже вызвали свои последствия. Вам осталось их только принять. Время непрерывно, дорогая моя, пойми это. От этого не отмахнешься, понимаешь? Реакция и последствия все равно настигнут вас, забывай – не забывай, отмахивайся – не отмахивайся. Именно поэтому всегда предлагается сто раз подумать, прежде чем что-то сделать.

– Это слишком как-то заумно, не может Вадик так мыслить, – не сдавалась Леночка. – Можно и забыть, что же теперь, из-за каждой обиды расставаться?

– Не можно, – снова принялась разъяснять Лариса Ивановна, и Леночка знала, раз шефиня позволила себе неправильный речевой оборот, значит, слова ее нужно воспринимать очень серьезно. – И не из-за каждой, а только из-за принципиальной. Сама реши, насколько ваши поступки характерны для ваших натур. Со стороны, например, кажется, что это и есть ваши натуры. Вадик, видимо, это понял скорее тебя. А что касается желания вернуться в определенную точку времени... Это делают только люди трусливые или аморальные. Они надеются прервать время, разорвать цепь поступок-последствие, предпочитают отмахнуться от того, что заданное их поступком последствие уже существует в пространстве. Отмахнувшись, они даже живут как ни в чем ни бывало короткое или длительное время, но последствие все равно их настигает.

– И что, все кончено, что ли? – промокая все-таки выступившие слезы Леночка оттянула нижнее веко так же, как оно было оттянуто на пропагандистском плакате, висевшим на противоположной стене прямо перед ее столом, с которого строгая атлетичная женщина в красной косынке взывала: «Будь на чеку! Должен знать ты, в полтинник недалеко до слепоты!» Леночка неприязненно относилась к этой мускулистой строительнице коммунизма и как-то выразила свое «фи» забежавшему насмешнику-хирургу. Хирург не замедлил принести ей от руки нарисованную на листке красотку в игривых трусиках, выполняющую наклоны, с размашистой надписью по Маяковскому: «Баба, не будь душой! Занимайся физкультурой!» Ох уж Леночка и нахохоталась над этим шедевром! Повесить на стену не могла – положила под стекло на рабочем столе и всякий раз радостно улыбалась, скользнув взглядом по круглому заду в трусиках в горошек.

– Если вы искренне простили друг друга, то, может, и не кончено. Но я уже какое-то время знаю тебя и могу утверждать, что подсознательно ты, как и Вадик, *уже* поняла, что

твой жених тебе не пара. Именно поэтому между вами и происходят подобные неприятные сцены. Ты *уже* знаешь, что он способен на активный интерес к другим девушкам и тебя это не устраивает, и он уже знает, каковы твои реакции на его вольности и его это не устраивает. Ты уже знаешь, что его измена лишь вопрос времени, и он уже знает, что получит неприятности. А они ему не нужны. Он не готов ограничивать себя, инициатива в ваших отношениях всегда шла от тебя. Это во-первых, а во-вторых, даже если вы закроете глаза на случившееся, прервете цепь событий, будете следить за своим поведением все равно рано или поздно обиды вылезут, вы будете колоть ими глаза друг другу. Ну и ваши натуры проявят себя во всей красе и винить будет некого, потому что уже сейчас тебе все о вас известно.

– Ой! – возмущенно всплеснула рукой Леночка. – Если не брать инициативу на себя, то вообще никто не буде жениться! Большинство мужчин если и хотят детей, то ближе к старости, зачем им брак?

– Я скажу тебе зачем. Думаю, ты удивишься. Чтобы лишить женщину права заглядываться на других. Если у мужчины не возникает такого желания, то он знает, что ты для него временный вариант.

Леночка даже не завершила вдох, таким странным показалось ей пояснение Ларисы Ивановны. Кто об этом думает вообще? О лишении права?

– Да никто так не думает! – выпалила она.

– Естественно, – согласилась шефиня. – Люди вообще не любят думать. И анализировать. И отвечать. Но чувствовать чувствуют. И слепо доверяют своему чутью, к счастью. А те, которые игнорируют внутренний голос и начинают размышлять, лучше бы не делали этого, потому как умом не блещут и себе же вредят.

Леночка горестно икнула и сказала про другое, рабочее:

– Время уже, приглашать?

Обе глянули на часы на стене.

– Приглашай!

– Входите! – зычно крикнула медсестра первому пациенту и ворчливо добавила: – Все равно, я не согласна, что должна соблюдать какие-то там законы времени. Мы сами куем свою судьбу.

– Конечно, куем, только ты почему-то уверена, что от твоей «куйни» непременно должно быть счастье.

Леночка смешливо хмыкнула на очередной нарочитый ляп Ларисы Ивановны.

– Естественно!

– Получаешь?

– Ага, два раза, – саркастично скривилась девушка.

– Если и бывает, то моментами, а не в целом сценарии?

– Пожалуй, да. Когда мне уступают, тогда и радуюсь, потом, правда, опять двадцать пять.

– Попробуй не отмахиваться от моих слов и хоть какое-то время анализируй себя и свою жизнь с точки зрения поступок-следствие. Увидишь все под другим углом.

Весь прием Леночка исправно заполняла бланки, подспудно горестно вздыхала, с тайным преклонением поглядывала на Ларису Ивановну: до чего умная женщина, а ведь так и не скажешь! А Лариса Ивановна фоном замечала, как тяжкие вздохи ее медсестры превращаются во вздохи сожалений и смирения. Ей стало понятно, что девочка приняла разрыв отношений.

– Откуда Вы все это знаете? – спросила Леночка в обеденный перерыв.

– Давно живу, наверное, – улыбнулась Лариса Ивановна. – Просто я предпочитаю не обманываться. Когда смотришь правде в глаза и называешь вещи только их именами, все становится яснее.

– Страшно же, – жалобно вставила девушка.

– Вопрос выбора. Кому страшна правда, тот просто оттягивает решающий момент. Запомни, прервать время нельзя, как и уже существующие в пространстве последствия наших поступков. Они все равно, как минимум, будут всплывать в твоей памяти и требовать от тебя той реакции, которая свойственно твоей натуре, даже если ты ее и задавила.

– Очень Вы необычная, Лариса Ивановна! Всегда так неожиданно разбираете все ситуации, я прямо удивляюсь. Мне бы никто-никто так не растолковал, все бы просто говорили, что я бедняжка, а Вадик козел и все.

Шефиня усмехнулась и понимающе кивнула.

Леночка в последний раз глубоко и судорожно вздохнула и с обожанием взглянула на начальницу. Она затруднялась с определением характера своей шефины, хоть и сидела с ней бок о бок каждый день в одном кабинете уже больше года. Впрочем, аттестовать Ларису Ивановну не могла не она одна.

Почти у каждого в кругу общения найдется человек, давно знакомый, без сюрпризов в поведении, всегда спокойный и доброжелательный, однако, если вдруг возникнет необходимость охарактеризовать его, сделать это окажется весьма затруднительно, потому что вдруг обнаружится, что личность его для тебя неясна, неуловима и неоднозначна. И вот чешется нос, ерошится затылок, а подходящие слова так и не находятся, тогда самоуверенно хочется махнуть рукой, мол, что говорить-то? Тут и говорить-то нечего: невыразительный человек! Но нутром чувствуется собственная неправота и невольно пасуешь перед неясной личностью подобного знакомца, потому что вдруг снисходит нелестное для тебя понимание, что в случае чего хребет сломается у тебя, а не у этого неясного субъекта.

Лариса Ивановна Дубровская была как раз такой, вроде бы, простой и открытой, но если о ней принимались говорить, то начинали с одного и того же, а заканчивали прямо противоположным, взаимоисключающим или противоречащим выводом других заключением. В этом был какой-то парадокс, потому что всякий назвал бы Ларису Ивановну прозрачной, как свежесмытое стекло, и бесхитростной, как полевая ромашка, тем более, что знал ее со дня открытия поликлиники – она числилась в ветеранах коллектива и являлась его столпом.

Лариса Ивановна как никто воплощала образ простого советского гражданина, вернее, гражданки, почти ровесницы Страны Советов: скромной, разумной, не склонной ни к каким эксцессам, с чувством долга, ответственным работником и прочее в том же духе, без прикрас и скидок. Если на трудовых собраниях возникала необходимость привести кого-либо в пример, указывали на нее. Если требовался аргумент со ссылкой на сотрудников, например, обозначая начальству потребности и нужды коллектива, кивали на нее. Ее несли как вымпел, как флаг и щит, ею прикрывались. Ее имя являлось последним добивающим аргументом и контраргументом во всех спорах. Все ведомственное начальство знало Дубровскую, не лично, а со слов, и давно принимало ее за некое мерило, показатель адекватности оценок и требований со стороны трудового коллектива поликлиники.

Иногда, правда, кто-нибудь из коллег задумывался, почему, собственно говоря, именно Лариса Ивановна заняла пьедестал, в чем ее личностное преимущество перед другими и не находил ответа.

Охарактеризовать ее натуру никто не мог, потому что прямо она себя не проявляла. Например, если бы спросили, добрая ли она, каждый пожал бы плечом, даже те, кто проработал с ней двадцать лет. Она была *нейтральная* и представления о ней складывались лишь из фактов: зла никому не творила, худого ни о ком не говорила, о своей жизни не откровенничала. Но то, что было известно, не вызывало сомнений и относилось к лучшим качествам любого человека. Так, применительно к ней обязательно употреблялось уточнение «всю жизнь» и в

этом абсолютизме не было ни капли погрешности. Всю свою трудовую жизнь она провела на одном месте – в районной поликлинике офтальмологом и была этим совершенно довольна. Всю жизнь ничем не болела, простужалась и то один раз в два года. Всю жизнь в одном моногамном браке; любила одного мужчину, своего мужа, и не познала соблазнов и искушений; они с ним ездили в отпуск вдвоем и вообще всюду бывали только вместе. Всю жизнь со старших классов пребывала в одном весе и находилась в неизменно безмятежном, добродушном настроении. В ней не было ни амбиций, ни ревности к чужому успеху или счастью, ни злобности, ни претензий к людям и миру. Мир ей был в радость, а, например, представления о международной политике, особенно об американской, заключались в недоуменном вопросе: чего они все к нам лезут? Если же ей доводилось слышать о каких-то там диссидентах или критике советской действительности, она искренне недоумевала: хорошо же живем, спокойно, все есть, чего надо? Квартиру дождались, шесть соток им выделили, путевку в пионерский лагерь сын получает каждый год, они с мужем снова поедут на море от профсоюза, подходит очередь на новый холодильник и финскую стенку, из ОРСа¹ сообщили, что сгущенку, зеленый горошек и копченую колбасу будут давать чуть ли не каждый месяц, чем плохо? Лично она всем довольна и всю жизнь счастливая, а если кому-то что-то не нравится, так, может, у них просто аппетиты немеряные?

В любом случае, жизнь за пределами собственной семьи ее не интересовала и вне нее она не тратила ни капли лишней энергии. Ее считали счастливой, она и сама могла с твердостью утверждать, что ни разу еще не познала горя и бед.

Как ни странно для счастливой женщины, ей никто никогда не завидовал. Если в узком кругу женского коллектива, так любящего посудачить, о ней вдруг заходила речь, что бывало крайне редко, то обычно кто-нибудь пожимал плечом и говорил маловразумительное: «Ну, это же Лариса Ивановна!» Никто не брался сформулировать общее отношение к ней одной фразой или словом, какими были за глаза крещены большинство коллег, так в наличии имелись Вертопрах, Грымза, Зазнайка, Хренов Умник, Балаболка, Треплю, Гений и пр., некоторых называли по должности – Замзав, Завотд, – и это тоже было приемлемо и понятно. Оценка Ларисы Ивановны как-то не складывалась, но, пожалуй, среди молодых сотрудниц поликлиники она сводилось к тому, что живет она крайне серо и скучно, только сказать это никто не решался, потому что как только эта мысль облекалась в слова, начинала казаться фальшивой даже самому говорившему. Пожалуй, только Леночка и могла бы раскрыть коллегам таящуюся в Ларисе Ивановне глубину мировосприятия, но молоденькая медсестричка мыслила на уровне «козел» и «бедняжка» и тонкие или глубокие характеристики ей не давались.

Одна новенькая терапевт, так и не прижившаяся в коллективе поликлиники и скоро уволившаяся, позволила себе выразиться резко, как никто не выражался в адрес Ларисы Ивановны: «Тлеющая головешка! Ни жару, ни всполоху, ни яркого излучения! Отнимите у нее мужа и от нее ничего не останется! Ноль!» Никому это определение не понравилось. Ровный мягкий свет Ларисы Ивановны уважали за неизменность и надежность; непредсказуемых феерических личностей итак хватало с избытком – люди нуждались в твердыне. Кроме того, хотя и не было известно, чтобы Лариса Ивановна когда-либо совершила что-то из ряда вон выходящее, в ней чувствовалась некая внутренняя сила, не позволяющая причислить ее к амебам.

К сожалению, никто не знал, что в юности Лариса Ивановна отличилась весьма решительными поступками. Так, она пошла против желания родителей, работавших в бухгалтерии большого ведомства и желавших, чтобы дочь получила экономическое образование, тогда они могли бы выстелить ей карьерную дорожку красным бархатом. «Это нам с отцом пришлось с низов расти, а тебе мы свои связи на блюдечке преподнесем! – увещевала мама. – Даже завидую тебе, такой шикарной возможности! До министерства дорастешь!» Юная Лариса раз-другой сказала им, что числа и формулы ей не по душе, услышала в ответ, что это вопрос времени и привычки, поняла, что ее планы не совпадают с родительскими и просто поступила в желанный

медицинский, поставив их перед фактом. Мама плакала об упущенных возможностях, папапил валерьянку, но все успокоились и смирились, что династии и умопомрачительной карьеры в их семье не будет. Потом Лариса ошарашила всех, что выходит замуж за Петю, тихого очкарика с психфака, даже не москвича! Мама снова плакала, папа принял коньяку. Всегда такая спокойная дочь, которая никогда в детстве не доставляла родителям проблем, теперь не считалась с их мнением – было отчего горевать!

– Почему ты стала такая? Раньше же всегда с нами соглашалась! – пеняла мама.

– Потому что раньше ваши желания совпадали с моими – пояснила дочурка, своим ответом заставив маму поперхнуться слезами.

Кто бы подумал, что прозрачная душа Ларисы открыта воле родителей до поры, до времени! Мама была к такому не готова, ведь она уже расписала жизнь дочери по изумительному сценарию.

Лариса не повелась на перспективных молодых людей, с которыми ее собирались знакомить, не вняла угрозам, что Петю не примут в семью и жить в квартиру не пустят. Дочь-молчунья улыбнулась: «Ну и не надо! Придумаем что-нибудь» С Петей они расписались, выбрали себе комнату в общежитии ВУЗа и сразу забеременели. И снова мама плакала, что дочь губит свою жизнь, отец хмуро мерил шагами комнату по диагонали: уговаривали неразумное чадо на аборт, мол, надо повременить с ребенком, закончить учебу, устроиться в жизни, создать комфортные условия для воспитания потомства и прочее. Поменять мужа, в конце концов! Надо же думать, когда и от кого рожать! Нельзя же так – в поле под телегой! Вернее, на семинаре под партой.

– Как ты его будешь растить? С собой на лекции таскать?

Лариса светилась мягкой счастливой улыбкой, больше прислушиваясь к чему-то внутри себя, чем к крикам мамы, ответила: «Как-нибудь» – и была такова. Родила сына Гошку, до яслей нянчили его всем общежитием по очереди, за что прозвали сыном полка. Соседка пришла к наволочке две прочные завязки, подпоясывалась этой наволочкой и таскала Гошку, как кенгуру. Идея прижилась и наволочка переходила с рук на руки вместе с ребенком. Дедушка с бабушкой какое-то время выдерживали характер и не помогали молодой семье, но поняли, что на поклон к ним любимая дочь не собирается, а внук растет слишком быстро и на чужих руках, поэтому сами пришли мириться и взяли заботы о ненаглядном наследнике на себя.

Таким образом, неконфликтная, доброжелательная, никогда не повышающая голоса Лариса приучила мать и, заодно, отца обуздывать свои родительские инициативы и довольствоваться принятием жизни дочери в том виде, в котором та ее себе выстраивает.

Надо сказать, что впоследствии ни родители, ни муж никогда ей уже не перечили, не ставили ультиматумов – были научены. Но кто об этом знал? Сама она о себе, как правило, не говорила. Поэтому – только свои; для посторонних, малознакомых, она была сродни молочнокислой бактерии, творящей незатейливое доброе дело в масштабе собственной крынки.

Так же она никогда не бравировала и даже будто бы вычеркнула из памяти военное время, а ведь тогда Лариса Ивановна наотрез отказалась эвакуироваться из столицы, хотя враг был на самом подступе к городу. Сказала, что разделит судьбу своей родины, и сын-подросток остался с нею. Всю Великую Отечественную она самоотверженно трудилась в родной поликлинике, переделанной в госпиталь, вместе со всеми несла тяготы военного времени, трепеща за сына, работавшего не меньше нее, и мужа, отправившегося на фронт. Когда Москва страдала от налетов, тысячи тысяч жителей буквально селились в станциях метро. Женщины рожали там детей, дети болели. Ларисе Ивановне – офтальмологу! – трижды довелось принимать роды в подземке, потом приходила лечить и выхаживать. Она работала и на строительстве оборонительных укреплений, за что удостоилась медали «За оборону Москвы». Сын Гошка вместе с одноклассниками в школьных учебно-производственных мастерских делал снаряжение для фронта. Ни мать, ни сын не считали, что совершают нечто героическое, тогда все были геро-

ями, и горячо желали только окончания войны и возвращения мужей и отцов. Дубровские дождались и мира, и главу семьи, и трепет сердец устремили в светлое будущее, отказавшись вспоминать и, тем более, козырять пережитыми трудностями. Впоследствии она ни разу не выступала перед коллегами или школьниками с воспоминаниями, вообще не поддерживала эту тему, поэтому даже те, кто знал о ее самоотверженности, позабыли об этом, чего требовать от остальных?

Давние знакомые обычно придерживали свое мнение о ней при себе, потому что понимали, что Лариса Ивановна не поддержит сказанное о ней и все будет звучать недостаточно достоверным и выразительным.

Женщины, проработавшие с Ларисой Ивановной много лет, ни за что бы не признались, что чуть побаиваются ее и не смогли бы объяснить, почему. Все было просто: Лариса Ивановна дорожила каждым словом и никогда не спешила что-либо сказать, зато если говорила, то сказанное удивляло весомостью и разумностью. И самое поразительное для них: Лариса Ивановна всегда опережала изменения в моде. Всегда. Женщин это заставляло капитулировать. Например, она сняла шиньон и подстриглась «живенько» немногим до того, как это вошло в моду. То же касалось изменения силуэтов платья и их длины. Она никогда не была рьяной модницей, никого не копировала, довольствовалась одной-двумя деталями облика, которые заставляли ее выглядеть естественно и в духе времени, при этом элегантно и небрежно одновременно.

Бывало, кому-то хотелось сказать о Ларисе Ивановне, что она себе на уме, но и это было бы не совсем верно, потому что подразумевало некую хитрость, а хитрой она не была никогда. Сама бы Лариса Ивановна, если бы ее попросили обозначить себя одним словом, назвала бы себя *искренней*. Это определение, согласно толковому словарю, означающее непритворное выражение подлинных чувств и мыслей, истинно отражало суть этой женщины, ее мировоззрение и отношение к жизни. Она всегда следовала своим внутренним побуждениям, пренебрегая общепринятыми нормами морали и этики, и если и казалась кому-то странной и выбивающейся из общего строя, то не себе; для себя она всегда была *искренней* и честной в текущем моменте.

Обычно люди живут в состоянии ожидания чего-то желанного, пусть даже неведомого: мечты, чуда, отпуска, отдельной квартиры, любви, наследства, повышения, новых туфель, стрижки, машины, похода в театр, приезда гостей... Это ожидание придает их лицам особое выражение одухотворенности и наполненности жизнью. У Ларисы Ивановны такого выражения никогда не было и именно поэтому люди бессознательно причисляли ее к хладнокровным. Лишь особо тонкие наблюдатели могли разглядеть в мягком взоре Ларисы Ивановны другое выражение: у нее все есть. Никому не приходило в голову, что в характере Ларисы Ивановны было получать все желаемое сразу, как только захотелось – ведь она была *искренней*! Но надо отдать ей должное, хотела она всегда вполне реальных вещей, к которым ее подводило естественное течение ее жизни. До момента, когда желать чего-то еще рано, она не думала об этом, а когда приходила возможность получить что-то, то не упускала ее. Вот и весь секрет ее бесстрастности.

Тем, кто принимал холерические реакции на происходящее за свидетельство полноценной жизни и нуждался в шумных событиях, казалось, что внутренняя жизнь Ларисы Ивановны находится в полужастывшем состоянии. На самом деле она пребывала в непрерывном обновлении и движении жизни: свежесваренный борщ, перемена постельного белья, взошедшая рассада, распустившийся цветок кактуса, связанный жилет, приход гостей на пирог – этим она ощущала тепло и энергию бытия, его вращение и не любила, чтобы ее отвлекали. Поэтому общественные обязанности в мирное время вызывали у нее тайное недоумение: она считала,

что любые обязанности должны оплачиваться, то бишь составлять чью-то работу. Зачем же отнимать у кого-то зарплату и зачем кого-то заставлять работать бесплатно? Общество состоит из отдельных людей, а когда каждый отдельный человек заботится «о своем хорошо», то это «хорошо» за совокупностью массы народа становится славным общественным «хорошо» Она была противницей того, чтобы люди ради плана или из других соображений выполняли чужую работу – это нарушало ее понятие о причинно-следственной связи «мое хорошо ведет ко всеобщему хорошо» Каждый отвечает за свой фронт работ. В этом вопросе Лариса Ивановна проявляла отнюдь не социалистическое мышление, но, поскольку не страдала склонностью к демонстративному поведению, то не выставляла это на вид и упрекнуть ее никто не мог. Она лишь под тем или иным предлогом избегала нагрузок от парторга и постепенно приучила всех к тому, что является исключительно домашним человеком и интересуется только рецептами, заготовками, дачными грядками, рассадой и прочими семейными заботами, и это почему-то укрепляло ее позиции в глазах руководства; загружать поручениями стали исключительно молодых, не обремененных, не семейных.

Она любила театр, но ходила на спектакли только в те периоды, когда ей было недостаточно домашнего вращения, исключительно, чтобы добрать недополученных впечатлений. Обычно это случалось зимой, когда многие проявления жизни замирают. Весна рождала почки и бутончики на ее подоконниках, кошка беременела и можно было смело утверждать, что до следующего октября Лариса Ивановна не вспомнит о театре. Хотя, если заходила речь о тех или иных постановках, ее замечания отличалась тонкостью и всякий понимал, что перед ним искушенный театрал и взыскательный зритель. Она давала здравые рекомендации, спрашивала, каких впечатлений и какого настроения ищет зритель, метко аттестовывала постановки того или иного режиссера и безошибочно указывала спектакли, которые удовлетворят потребности именно этого зрителя. Немного поговорив с взыскующим прекрасного, она приходила к каким-то своим выводам и одним советовала сначала освежить в памяти пьесу и прочитать ее, другим – идти с незамутненным сознанием без каких-либо ожиданий и просто получать удовольствие, третьим – абстрагироваться от канонов и удивить самого себя новым прочтением произведения. И никто никогда не был разочарован ее советом.

На работу она непременно приносила пироги, закрутки, прочие вкусности и все знали, что в «обеденной» обязательно найдется, чем перекусить. Коллеги в возрасте ее любили, потому что она всегда говорила на нейтральные темы, никогда никого не осуждала, никого не сравнивала с собой или с другими и несла в себе мир. Вообще, своим присутствием она очень стабилизировала пространство, гасила сплетни и колкости и давала коллективу поликлиники прочный стержень. Хоть кто-то в бурлящих страстях их небольшого общества не злословил, не заводил романов, не расходился-сходился со второй половинкой, не делал абортов, не стрелял денег до получки, не сдавал родителей в дом престарелых или отсылал в деревню, не ругался за льготы, не подначивал и не подсиживал других, не сплетничал, не отпрашивался через день пораньше уйти домой и прочее. Хоть кто-то!

Она украшала доску почета столько лет, что исчезновение ее фотографии для коллег могло означать только одно – Лариса Ивановна ушла из жизни. Никто не спорил, что она добросовестный и знающий специалист. И получаемые ею премии ни у кого не вызывали ропота. И ежегодные профсоюзные путевки тоже. Если не давать их такому мастодонту как Дубровская, то кому? А то, что она не рвалась на руководящие должности, окончательно лишало ее недоброжелателей.

Ей было уже за сорок, но выглядела она молодо и свежо, не больше, чем на тридцать пять. Плотный молочный цвет лица и упругая кожа – такая упругая, что не ущипнешь, – вызывали вздохи всех женщин поликлиники. Морщинки вокруг глаз только-только начали закладываться и, если не искать их проекцию специально, то даже вблизи не были видны. Особенно молодой ее делали чрезвычайно белые, чистые белки, какие бывают у детей, и здоровые, бле-

стящие волосы, не тронутые ни сединой, ни краской. Несколько сотрудниц находились в таком же возрасте, что и Лариса Ивановна, и за последнее время все привыкли к их жалобам на приливы, духоту, жару, вечно открываемые окна, непроходящий жор и раздражительность. Все это было поводом для шуток и сходящего отношения к дамам климактерической поры. Одна Лариса Ивановна чувствовала себя превосходно. Она заявила, что у нее уже несколько месяцев нет менструаций, и, кажется, «девочкой» она становится легко и без неприятностей. Никто не удивился. Если уж кому и суждено познать этот переход без всяких гормональных всплесков и прочих тягот менопаузы, то это должна быть именно Лариса Ивановна.

За двадцать лет брака она забеременела только раз, Гошей, в студенчестве. Потом уже ни разу и это было удивительно, потому что они с мужем ничем не болели. Лариса Ивановна лишь пожимала плечами и искренне удивлялась на вопрос родителей, не пора родить еще ребенка: «Не беременею почему-то» Ни она, ни мать с отцом ни разу вслух не вспомнили о том, как требовали от нее сделать аборт, и лишь по той страстности, с которой бабушка с дедушкой вдруг принимались целовать Гошку, было понятно, что это жестокое требование тревожит их души.

Гошка был светом в окошке, сейчас уже взрослый, закончивший университет. Как только он нашел свое место в жизни и съехал от родителей, Лариса Ивановна перестала беспокоиться о нем, словно ее материнская миссия пришла к завершению и все, что с ним могло случиться, она восприняла бы философски: «Это жизнь! Просто иди вперед!»

Свое внимание и заботу она перенесла на супруга и у них начался период той поглощенности друг другом, какой обычно переживают в медовый месяц. Петр Иванович приходил встречать жену после работы, в руках у него частенько был то цветок, то коробка конфет. Он приглашал ее ужинать не дома, а в кафе: «Насиделись уже в кухне этой!» Из окон поликлиники хорошо было видно, как он целует ее в обе щеки и поправляет воротник пальто, она берет его под руку и оба неспешно уходят. «Не, ну живут же люди!» – протягивал кто-нибудь из медсестер или врачей и все чуть грустно вздыхали, ощущая собственную обделенность любовью. А Дубровские в новой стадии полного слияния как-то внутренне обновились и начали поговаривать о внуках – лучшем свидетельстве их нетленной любви, извечного притяжения мужчин и женщин и торжества жизни как такового.

Однако в одно прекрасное утро Лариса Ивановна примчалась в поликлинику вместе с супругом, удивив всех взъерошенным видом и раскрасневшимся лицом. Они вломились к гинекологу.

Оказалось, Лариса Ивановна беременна! Новость сотрясла здание районного отделения здравоохранения до основания, коллектив гудел как растревоженный улей. Вот это Лариса Ивановна отчебучила! Волнение охватило даже пациентов, смирно сидящих в очередях, они перешептывались и пытались узнать друг у друга, что случилось, что за беготня: кому-то плохо, кто-то умер, «Скорую» вызвали? Кто-то осекал: почему тогда врачи улыбаются и радуются?

Потом сияющие Лариса Ивановна и Петр Иванович в «обеденной» рассказывали, как они заподозрили неладное. Сегодня за завтраком. Мол, супруг пристально посмотрел на благоверную, хлопчущую у плиты, и спросил:

– Дорогая, а не беременны ли мы часом?

Оба воззрились на аккуратный тугой животик, в последнее время приподнявший пупок вечно стройной Ларисы Ивановны, он замечательно вырисовывался под струящимся атласом французского утреннего халатика, доставшегося Петру Ивановичу во времена оные в качестве военного трофея. И спустя час в кабинете гинеколога родной поликлиники оба супруга уже блестели слезами счастья.

Они благодарно трясли руку доктора, не слыша его советов и поздравлений. По всем признакам у них будет девочка! Судя по сердцебиению совершенно здоровая и всего через каких-то три с половиной или четыре месяца. Боже, столько всего надо сделать и подготовить! Лариса Ивановна и Петр Иванович вмиг скинули по двадцать лет, засветились, тела их стали легкими, а взгляд упругим и целеустремленным.

– Эх ты, окулист! Проглядела себя! – улыбался Петр Иванович, в очередной раз взволнованно обнимая и целуя супругу в порозовевшие щеки.

У регистратуры и гардероба их снова поздравляли, обнимали и чмокали в радостно-встревоженные лица, жали дрожащие руки, в общем, образовался вселенский переполох в рамках четырех этажей отдельно стоящего здания города Москвы и все были искреннее воодушевлены, как будто это лично им привалило счастье.

Буйство эмоций длилось до самого декрета, а собирать деньги на подарок коллеги начали в первый же день. Почему-то беременность Ларисы Ивановны у всех вызвала прилив сил и жажду жизни и – опять же! – ее никто не осуждал, никто не сказал чего-то вроде: «Сдурела она, что ли, дура старая?» Никто не завидовал, все только улыбались и говорили: «Подумать только! Ну, Лариса Ивановна, ну отчебучила!» Одни не переставали удивляться свалившемуся сюрпризу, другие, наоборот, утверждали, что именно от Ларисы Ивановны и следовало ожидать чего-то такого, сверх неожиданного. И всем не терпелось увидеть ребенка, почему-то казалось, что он будет необыкновенным.

Обычно советские граждане не были склонны к мистике и фатализму, но почти у всех коллег Дубровских тогда хоть раз да мелькнуло в душе ощущение то ли предопределенности, то ли, наоборот, чуда, и каждый втайне задавался вопросом, почему же именно Ларисе Ивановне само идет в руки то, чего другие зубами вырывают у жизни и не могут вырвать.

Если бы кому-либо вздумалось спросить Ларису Ивановну, не смущается ли она беременностью в своем возрасте, Лариса Ивановна бы очень удивилась: разве есть чем смущаться? Она простая, *искренняя* женщина и принимает все, что дает ей жизнь как должное и правильное для нее. Она не помнила, чтобы когда-нибудь поступала наперекор себе, в угоду другим – это не по правилам *искренних*.

Домой супруги не дошли – долетели; тут же принялись записывать в тетрадку план действий и необходимых покупок. Бывшую комнату сына, которую свято хранили и оберегали, не смея передвинуть в ней ни одну вещь, решено было в кратчайший срок переделать в детскую для девочки. Конечно же розового цвета! Разложили старые блокноты с номерами телефонов «нужных» людей, у которых можно достать дефицитные товары. Благо, оба были врачами и имели «выгодных» пациентов, хотя обычно не обращались к ним за блатом. Но сейчас был не тот случай! Недавно открытый «Детский мир»² на площади Дзержинского хоть и центральный магазин, а без своего человека там нужного не купить. Оба уселись за телефон налаживать каналы по приобретению необходимых вещей. Обои, кровать, одежда, пеленки, бутылочки, все, что будет, пусть на вырост, ведь потом понадобится, а не достанешь!

И завертелось...

Малышка родилась в срок с помощью кесарева сечения, потому что врачи запретили возрастной Ларисе Ивановне рожать самой, хотя ей казалось, что она справилась бы без проблем. Операция прошла образцово, организм мамы и новорожденная гражданка Советского

Союза показывали себя просто на зависть. Молоко прибыло на исходе вторых суток, на что мало кто рассчитывал, кроме самой молодой мамы. Малышка сосала так, как будто взяла на себя стахановские обязательства по опустошению материнской груди.

Петра Ивановича пустили в родильное отделение по благу, как своего, и он заливался слезами умиления, глядя на кормление, и со страстным обожанием сюсюкал:

– Да ты же моя жадюга! Не спеши, все твое! Как жить хочет! Вот кого показывать надо всем ипохондрикам да депрессивным! Пусть учатся! – Петр Иванович работал психотерапевтом в районном диспансере. – Дай, дай, я ее сам подержу! Ты же моя сладенькая, мой цыпленочек! Как пахнет, как она пахнет! Лара, ты слышишь? Вот молодечик, какая благородная отрыжка да в таком сером обществе! Тьфу ты, господи, боже мой!

Лариса Ивановна счастливо посмеивалась.

– Ларочка, как же мы ее назовем?

Девочка была удивительно хорошенькой с самого рождения, с беленьким личиком, беленьким пушком на голове и фиалковыми глазками.

– Она такая нежная! Как цветок. Может, Лилия? – предложил молодой отец и ткнулся носом в плечо супруги, удерживая очередную порцию слез.

– Пусть будет Лилия, – Лариса Ивановна чмокнула мужа в седеющую плешь. – Красивое имя и ей очень идет.

Гоша видел сестру два раза, потому что после ее рождения завербовался работать на Север, чего-то там исследовать, прокладывать, добывать. Он был так искренне вдохновлен, полон планов и надежд, что родители почувствовали тайное облегчение от того, что взрослый сын в них не нуждается, стал отрезанным ломтем, и они без оглядки могут отдаться новой страсти.

Лиля росла чудесным ребенком, ее любили все, потому что не любить такую прелесть было невозможно. Удивительно ласковая в обращении, бесхитростно кокетливая, с детски доверчивой и открытой улыбкой, она смотрела на мир и людей тем взглядом ясных, чистых глаз цвета фиалки, каким смотрят дети, видевшие от жизни только любовь. Ее доброе сердечко и готовность отломить половину полученного угощения, чтобы угостить в ответ, умиляли и покоряли сердца всех, кто ее знал. Она никогда не капризничала и ничего не требовала. Если ей чего-то хотелось, она молча мечтательно смотрела на вожеленную вещь или осторожно спрашивала: «А такая-то игрушка хорошая?» Родители все понимали, трепетали от врожденной деликатности дочери и все ей покупали. Если ей что-то не нравилось или чего-то не хотелось, она говорила: «Я потом доем. Потом сделаю» Родителям оставалось только напомнить ей через время про обещание и она слушалась. Если же ей было что-то не по нутру, отказывалась она своеобразно: «А можно не надо?» Обычно родители соглашались, но если настаивали, Лиля никогда не устраивала истерик, ее прекрасные глазки наполнялись хрустальными слезами, а подбородочек так трепетно дрожал, что душа Петра Ивановича не выдерживала и крошке дозволялось все. Будь у нее злое сердце или дурной нрав, со временем она превратилась бы в избалованное чудовище, но душа Лили была чиста как первый снег, добра и ясна, поэтому великодушное отношение к ней лишь способствовало усилению ее внутреннего света.

Несколько лет ею владела страсть к пению, и Лиля пела дома за игрой, на улице по дороге в сад, в песочнице, на качелях, в трамвае, в метро. Ей ничто не мешало, она была поглощена самим процессом звукоизвлечения и если ее не устраивала какая-то рулада, она отрицательно качала головой и перепевала неудавшуюся строку еще раз. Со стороны это выглядело невозможно уморительно и очаровательно, ей улыбались, гладили по голове, тихонько аплодиро-

вали, но радость от подобного внимания испытывала не она, а родители. Ее хрустальный голос и вдохновенный восторг от процесса пения был для них наркотиком, Лариса Ивановна заговорила о необходимости отдать дочку в музыкальную школу, но Петр Иванович, как специалист, углядел в этом не призвание к сцене, а обозначение внутренних богатств.

– погоди, – говорил он жене, – скоро это пройдет и появится что-то другое. Это прорастают ее внутренние богатства.

– Богатства? – Ларису Ивановну удивило мнение мужа. – Хм! А если ты ошибаешься?

– Если ошибаюсь, то пусть учится, но петь скоро перестанет, вот увидишь!

– Но зачем тогда таланты, если их не развивать? – возмутилась Лариса Ивановна, уже успевшая полюбить мысль о будущей славе дочери.

– Ты не поверишь, дорогая, – мягко объяснил Петр Иванович, – эти богатства в душах некоторых женщин принадлежат их роду. Она их передаст дальше и тот, кому будет суждено, отдаст их людям.

– Чего? – недоуменно подняла брови Лариса Ивановна. Иногда ее здравомыслящий супруг нет-нет да и выдавал какую-нибудь подобную мысль шаманского толка, правда, всегда чуть смущался и пытался переменить тему, или сводил к шутке, или уступал Ларисе Ивановне. Он стеснялся признаться – ведь он коммунист! – что верит в душу, в карму и прочую чепуху, и даже почитывает всякие *нерекомендуемые*, но ходящие в кругах специалистов по душам, книжонки на подобную тематику.

Однако, Лиля, действительно, перестала петь и принялась за рисование и танцы. Потом пошло вышивание, гербарии и далее по списку. И всякий раз в своих увлечениях она показывала отличные результаты. Удивительно талантливый и восприимчивый ребенок!

Она стала светочем в жизни своих родителей, их радостью и гордостью. Знакомые называли ее девочкой-мечтой, говорили, что именно о таких дочках все, наверное, и мечтают.

Пожалуй, именно сейчас, глядя на сияющую Ларису Ивановну и ее обворожительную дочку, на работе ей впервые стали завидовать, но не по-черному, так, с оговоркой: «А что, хорошая же женщина? Заслужила! Я тоже такую девочку хочу» Или по-другому: «Девчата, рожайте дочерей! Видали, какая прелесть получается?»

Лариса Ивановна теперь только и говорила о хлопотах, свидетельствующих, что они с Петром Ивановичем дышат для дочери. Сколько баночек каких ягод перетерли с сахаром, чтобы добавлять в каши, в кефир, варить кисель, макать блины, печь пироги и торты, ведь растущему организму круглый год нужны витамины! Ах, какая чудесная облепиха в этом году! Столько масла поднялось в банке! Сплошная польза! А вот черники нет! Как же глазам без черники? Горе.

Молодая мама выспрашивала у всех рецепты питательных блюд, как то, например, тыквенный или чечевичный суп. С ухищрениями и значительной переплатой каждую весну доставала баночку астраханской черной икры, потому что весенний авитаминоз у ребенка. Кто-нибудь из молодых коллег иногда не выдерживал потока материнской любви Ларисы Ивановны и говорил: «Шуму столько! У всех дети и ничего, как-то живут и растут без икры и облепихи» Но обязательно кто-нибудь отвечал: «Вот именно, что как-то! На магазинных пельменях и консервах. Много вы в своих детей вкладываете? На танцы водите? В шахматы играете? Сказки по ролям читаете? На крахмальных салфеточках кормите? Вот и получите-распишитесь: разницу проведите между своими обормотами и Лилечкой!» Лилю знали все, потому что поликлиника обязательно проводила Новый год для детей сотрудников и каждый знал, у кого какой ребенок, после короткого наблюдения обычно нарекаемый обормотом. И только Лиля была Лилей, потому как принцесса, девочка из интеллигентной семьи, смышленная и с хорошими манерами – как раз такая, какая должна получиться, если ест на крахмальной салфетке и читает стихи по ролям.

К радостям первых лет прибавилось любованию успехами и талантами Лили. Она была очень артистичной, пластичной и памятливой. В детском саду и Доме творчества быстро стала солисткой танцевальной группы, а читать и писать выучилась раньше всех. И еще, как ни странно, с четырех лет прикипела к страсти Петра Ивановича, к шахматам, сначала, конечно же, из-за красивых фигур, потом уже заинтересовавшись хитростью ходов. Демонстрировала нестандартную логику неотягощенного детского сознания и иногда невольно дарила отцу свежий взгляд на возможности тактики и стратегии. Года три-четыре, как все дети, она стремилась обогнать и перегнать, а потом поняла философию игры и озадачивала Петра Ивановича непредсказуемостью ходов. С тех пор столик с шахматной доской в их гостиной был неприкасаем для уборки и всегда хранил разыгрываемую партию. Петр Иванович, проходя мимо, задумчиво потирал подбородок, стараясь предугадать, что за каверзу задумала его дочь. А Лиля хитро поблескивала глазками, кокетливо убирала за ушко белокурый локон и смотрела на доску небрежно, будто игра ее не занимала.

Гоша прислал письмо с фотографиями, писал, что женился на якутке. Извинялся, что спешно, тайно, без праздника, ведь оба геологи и не сидят на месте. Лариса Ивановна и Петр Иванович на какое-то время онемели – на якутке! Со снимка на них смотрело чуждое раскосое лицо с широкими скулами и совершенно черными волосами. Лариса Ивановна в испуге прижала руку к груди. Ее организм отказывался принимать в семью неевропейскую кровь. Строго говоря, девушка была красива и выражение лица доброе и умное, но ведь не русская! Родители поздравили молодых телеграммой и сделали денежный перевод в качестве свадебного подарка, но мужу Лариса Ивановна призналась, что пока не готова увидеть невестку, поэтому в гости не пригласили. В следующем письме пришла фотография новорожденного сына Гошки, и Лариса Ивановна расплакалась – внук был похож на мать. Гошка сам облегчил родителям положение, заверив, что в ближайшие годы они с женой будут невыездными. На том все и успокоились и зажили своими, отдельными друг от друга жизнями.

Дружба с девочками у Лили не складывалась с самого детского сада, потому что не находилось девочки, согласной выдерживать постоянное сравнение с ней. Бедняжкам приходилось выслушивать упреки мам и бабушек: «Лиля то, Лиля се, а ты?»

Зато с Орестом Поповым сразу возникла самая нежная приязнь. Мальчик жил в ее подъезде на первом этаже и ходил в ту же группу сада. Его отец, дядя Жора, работал слесарем-сантехником, а мать, тетя Нина, диспетчером в их же ЖЭКе. Дядя Жора всегда всем широко улыбался, иногда даже некоторых хотел обнять. Лиле было его жалко, потому что люди его почему-то чуждались. Он, бедняжка, ходил с трудом – часто спотыкался и присаживался то на заборчик, то на скамейку, то просто облокачивался о стену. Тетя Нина, встретив его, всегда говорила одно и то же: «Боже, стыдно-то как!» – и уводила его домой. Лиля недоумевала, чего стыдится, если человек плохо ходит, тем более, если он такой добрый. Она спросила об этом маму, та ответила неясно и как-то чеканно, причем глаза ее сделались холодноватыми:

– Дядя Жора не может ходить твердой походкой не потому, что болен, а потому что сам себя чуть ли не каждый день доводит до ненормального состояния. Когда люди сами себя губят, за них бывает стыдно. Понятно?

Лиле было непонятно, но она кивнула, почувствовав, что маме неприятно об этом говорить. И еще почувствовала, что мама враждебна к дяде Жоре и не одобряет его. Зато тетя

Нина ей симпатична, при встречах мама всегда приветливо улыбалась, ободряюще кивала или пожимала руку и останавливалась на пару слов о здоровье и о детях.

Все же несколько лет Лариса Ивановна и Петр Иванович чуть поджимали губы и несколько натянуто улыбались, когда Лиля и Орест, завидя друг друга, бросались друг другу навстречу с объятиями. Они обнимались по-детски неуклюже, как медвежата, и выглядело это проявление приязни невозможно трогательно. Они общались только с собой, ни ей, ни ему больше никто не был нужен.

– Перерастут, – почему-то говорила Лариса Ивановна Петру Ивановичу. – По крайней мере, он всегда чисто одет и вполне воспитан. Нина – прекрасная женщина!

– А гены куда денешь? – странно отвечал Петр Иванович.

– Рано об этом говорить!

– Эта детская дружба может всем нам выйти боком!

Тем не менее они считали себя людьми широких взглядов и из «демократических соображений» не препятствовали общению детей, разрешали приглашать Ореста домой, но Лилю к нему никогда не пускали: «Лучше пусть он к нам приходит, у тебя отдельная комната, никому не мешаете, и мама вас вкусненьким накормит»

Когда Петр Иванович в очередной раз встречал родителя Ореста в непотребном виде, непременно бубнил себе под нос:

– Нет, это будет чистой воды разбазаривание генофонда! Ни за что! Мой отборный, чистый цветочек! Тонкая селекция и *это!* – он брезгливо кривился.

Вообще, как специалист, он верил в желание людей преодолеть наследственные пороки, даже верил в попытки, но не верил в результат. Он знал так мало победителей, что они исчезали в общей массе побежденных пороком. Встать на путь наследственного алкоголизма мог только тот, кто искал силы в себе, сам себе давал зарок. Таких людей единицы на тысячи. В основном благие намерения цеплялись за кого-то другого: *ради тебя* готов на все. Это было крайне уязвимой мотивацией, потому что любой изъяс или ущерб в отношениях снова выводил на проторенную предками дорожку – к бутылке. Перспективы Ореста Петра Ивановича не радовали.

Однако вскоре Дубровские вздохнули свободно. В старшей группе сада Лариса Ивановна заметила перемену в дочери: та перестала смотреть на Ореста с радостным восторгом, прыгать на месте и хлопать в ладоши при его появлении, словно получила супер приз. Теперь ее отношение к нему стало покровительственным, снисходительным и доброжелательным в том виде, который невозможно испытывать к жениху, даже если ему всего шесть лет. Девочка перестала искать одобрения и восхищения в глазах Ореста, ей даже стало неважно, нравится ему то, что занимает ее, или нет, она оставалась привычно внимательной к нему и ласковой в силу своей природы и не более того. Лариса Ивановна специально какое-то время наблюдала за детьми, утвердилась в своем впечатлении и внутренне выдохнула. Она рассказала о своем открытии мужу, тот поверил ей, как верил всегда и во всем, и больше на этот счет они не беспокоились.

Потом дети учились в одном классе и оба являлись любимцами учителей. Лилия – потому что обладала бездной обаяния и мягкой женственностью, отличалась хорошим воспитанием и врожденной интеллигентностью. Как и ее мать, она стабилизировала пространство вокруг себя, но чуть на иной манер – своей утонченностью невольно обязывала и окружающих быть более вежливыми и культурными. Свободное, простоватое поведение рядом с Лилей непременно приобретало яркий оттенок грубости и невоспитанности. Никому из девочек класса не хотелось проигрывать Дубровской, поэтому тянулись на ее уровень. А мальчики невольно соответ-

ствовали девочкам. Учителя радовались высокому стандарту культуры класса и понимали, чья это заслуга.

Учеба давалась Лиле легко и никакая контрольная не могла согнать с ее лица спокойной улыбки. Четверки у нее появлялись редко, только пятерки.

Однако по мере взросления она все реже участвовала в жизни класса, терпеть не могла соревнований и сатиры стенгазет. Если учителя пытались выяснить причину ее отказа, она искренне говорила: «Зачем унижать людей? Я бы не хотела, чтобы меня прилюдно высмеивали» Ей объясняли, что делается это не со зла, а в воспитательных целях, и что рассуждает она не по-пионерски и уж, тем более, не как будущая комсомолка, а по-мещански, трусливо замалчивая проблемы. На что Лиля миролюбиво улыбалась и предлагала другое: «Может, я лучше позанимаюсь с отстающим?» Это устраивало всех, стенгазету оформляли просто к праздникам.

Зато учитель физкультуры долго не отставал от нее:

– Что плохого в соревнованиях? Ты же обязательно победишь! Ведь танцуешь с детства! Легкая атлетика – твое!

Лиля извиняющимся тоном оправдывалась:

– В соревнованиях всегда кто-то хуже, неприятно быть самой хуже или выставлять других такими. Я совсем не люблю дух соревнований! Если бы просто показывали, кто что умеет, а так не хочу.

Физкультурнику тоже хотелось обругать ее чеховской мещаночкой, но слова не срывались с языка – уж слишком обаятельной и по-своему полезной она была, да и угадываемая внутренняя сила, хотя никогда не выставляемая ею напоказ, давала ей незримое преимущество и заставляла отступать.

Пытались повлиять через Ореста, но он обезоруживающе улыбался и ретировался:

– Что, не все покорны в датском королевстве? Ничего, у нас демократия, мы даем развиваться в разных направлениях!

– Это же чудовищный индивидуализм! – не отступали от него. – Надо же что-то делать!

– Понять, простить! – пожимал Орест плечами, широчайше улыбаясь, и исчезал за дверью.

Не сумев переубедить Лилю оставили в покое, в конце концов, девочка отличалась в учебе и уже этим красила школу. Однако в учительской иногда мелькало замечание в сторону Дубровской:

– Дух у нее какой-то буржуазный! Салонное мышление! Себя на первое место ставит, а не интересы коллектива. Откуда это? Вроде, родители коммунисты.

– Зато макулатуры больше всех с Поповым собирают и городскую олимпиаду по литературе выиграла.

– А ведь не рвалась ехать! Силком повезли!

– Ничего страшного, перерастет! Щепетильная очень. Жизнь побьет и сделает пробивной.

– Да хоть и такой останется! Все равно видно, что хороший человек. Люди разные должны быть. Кто-то знамена несет, кто-то под ними стоит, кто-то в это время сопли детям вытирает!

– Так-то оно так, только при учениках этого не говорите!

Орест учился с надрывом, словно бросал вызов сам себе, покоря одну вершину за другой. Он был далеко неглупым мальчиком, но в нем не было широты и легкости восприятия, у него не возникало миллион ассоциаций по любому событию, как это было у Лили, в детстве его не развивали так, как ее. Большой трудяга, очень мотивированный, он самостоятельно наверстывал упущенное. Его поражало как много знает Лиля, ее начитанность вызывала у

него почтение. Например, если кто-то принимался рассказывать о фильме, Лиля в первую очередь просила назвать страну, в которой разворачивались события, и время. Это были для нее отправные точки, она сразу представляла себе исторический фон и характер эпохи. Если говорили невразумительное: «Ой, да про старину фильм! Мужики в чулках ходили и с дурацкими воротниками! На костре еретиков жгли пачками!» Лиля сразу определялась: «Аутодафе! Европа? Колонии? Испания или Португалия, скорее всего» Орест только диву давался. Он, конечно, знал, что у Дубровских огромная библиотека, но одно дело иметь книги, и другое – их читать. Он тянулся за ней, как молодой побег к солнцу. Он много занимался, его планка и требования к себе были так высоки, что в старших классах Лиля лукаво интересовалась: «Какой Эверест ты себе наметил? В генсеки метишь?»

Он был отличником, спортсменом и участником всех школьных олимпиад и соревнований. При случае он не мог удержаться от того, чтобы не заглянуть в глаза Лили с немым вопросом, видит ли она, что лучше него никого нет? Она понимала и ласково хвалила: «Умничка! Молодец!» – и пламя обжигало его сердце.

Как он гордился ее дружбой! Самая красивая и лучшая девочка в школе и во всем мире – его подруга! Это причисляло его к когорте избранных. И как же он стеснялся своего отца! Алкоголик-отец оскорблял его достоинство, тем более, что с годами отец совсем спился. Орест любил и бесконечно уважал свою мать, понимал, что ее усилиями их дом и он сам имеют порядочный вид и держат репутацию приличного дома и хорошей семьи. И понимал, что для них с матерью фактором, держащим их на плаву, было то, что отец являлся тихим алкоголиком. Он никогда не буйствовал и не дебоширил, что было громадным облегчением. Жена и сын старались вовремя подобрать его на улице и привести домой. Тем не менее оба они чувствовали себя униженными; пил отец, а стыдно было им. Дома они с матерью раздевали отца, заносили в ванну и мыли под душем. Мать настаивала, чтобы отец был чистым и в свежей одежде, следила за этим фанатично. Как-то Орест воспротивился, ему было противно ухаживать за взрослым опустившимся человеком. Мать посмотрела сыну прямо в глаза и сказала простое: «Тогда это конец! Он потянет нас за собой. Неухоженный человек – не человек» Орест понял. Отец был самым чистым, постриженным и ухоженным пьяницей их района, и Оресту довелось услышать, как собутыльники отца называли того везунчиком, выражали уважение его жене и ставили ее в пример, чествуя своих бывших жен неблагодарными тварями. Орест зло сплюнул: за что их благодарить и кто здесь твари?

В детстве Орест никогда не спрашивал себя, почему мать не разведется с отцом. Он не помнил разговоров об этом или каких-то попыток со стороны мамы. Задумался над этим, когда отец умер, и не нашел ответа. Мама пожала плечом:

– Может быть, потому, что помнила, каким он был, когда еще не начал пить? У него ведь были золотые руки! Да добрый был как никто. Кого он когда обидел? Никого. Все наследственность проклятая! Отец у него запойный был. Возможно, если бы он дрался и скандалил, развелась, а так приладилась как-то. Да и замирала я всегда, когда приходилось всякие бумаги заполнять, знаешь, графа такая есть про семейное положение и социальный статус семьи. Не хотела, чтобы ты был сыном матери-одиночки. И зарплату его мне выдавали, а не ему, тоже важно, одной пойдешь, вырасти парня! А стыд что? Стыд перетерпели. И упрекнуть себя мне не в чем.

После смерти отца мать вышла замуж за инженера, хорошего человека, абсолютного трезвенника, переехала к нему, Орест был за нее спокоен.

В выпускном классе писали сочинение-размышление о смысле жизни или о будущем, на выбор. Писали два урока, русский и литературу, сосредоточенно сопя и хмуря юные лбы.

Учительнице доставляла удовольствие рабочая тишина класса. Она посматривала на ребят, предугадывая, кто о чем напишет. Улыбалась. Предвкушала удовлетворение от предстоящей проверки – своих учеников она искренне любила и знала, что в работах будет сплошной позитив. Чистая юность! Мечты и уверенность в непреходящем счастье, как иначе?

Учительница взяла тетради домой и проверила уже двадцать пять работ. Ее взгляд привычно скользил по строчкам, она автоматически исправляла ошибки, почти не вникала, разве что следила за правильностью построения предложений. Дети как один писали то, что и следовало ожидать, что писали из года в год все ее ученики: как они благодарны Родине, народу, партии за бесплатное образование, медицину, жилье. Гордились, что наша страна догоняет и перегоняет Америку по производству стали, чугуна и бетона. Что именно их отцы и деды победили фашизм. Что советский гражданин первым побывал в космосе. Что будут пожарными, врачами, милиционерами, учителями, отдадут себя делу строительства коммунизма. Некоторые представляли страну в будущем, как реки будут повернуты вспять и даже не бесплодных землях потомки получают невиданный урожай. Что на Севере создадут искусственное лето и высадят бескрайние сады. Что советские граждане первыми освоят космос и встретят новые цивилизации. Что наука и медицина достигнут такого расцвета, что сначала в нашей стране не будет болезней, а потом этим благом СССР поделится со всем остальным миром. Что в нашей стране наступит эпоха благоденствия и советский народ не будет знать никакого горя и проблем. И все это возможно лет через пятьдесят.

Учительница кивала, мечты ей нравились. Только самой себе она признавалась, что не верит в скорое наступление эры благоденствия, считает, некому сейчас в ней жить. Она не верила в реальность утверждаемого образа простого советского человека, который создаст общество мечты, потому что не могла назвать и трех-четырёх людей, соответствующих этому образу. Лет через пятьдесят – да, возможно, ведь сменятся два поколения, и каждое будет лучше предыдущего. Это хороший срок, учительница была с ним согласна; новое тысячелетие – дожить бы! Пока же у всех людей есть изъяны, с которыми, строго говоря, нечего делать в идеальном мире. Известные ей изъяны были связаны с половым инстинктом, слабостью плоти, а также духа и желанием жить хорошо и красиво прямо сейчас. Разве это по-советски, и, уж тем более, по идеальному? Что-то в людях не так, они слишком хотят индивидуального счастья и не слишком желают трудиться над собой. Поэтому мечтать, что в будущем возможны идеальные люди с возвышенными понятиями, учительница любила. Перед ее внутренним взором представали города советского грядущего: каждый город – город-сад, светлый, нарядный, чистый, безопасный. Над каждым непременно солнце и синее небо. Все граждане молоды, здоровы, счастливы, не знают никакого греха и заняты только прекрасным и здоровым, например, искусством или возделыванием своего огорода. Такое будущее оправдывало ее труд, жизнь, посвященную воспитанию детей. В детях все так, а во взрослых нет. Не верят они в то, что провозглашают и не могут соответствовать заявляемым лозунгам. По природе своей не могут. Пока. Она не слишком расстраивалась, давала людям время улучшить свое естество, главное, что уже начали пропаганду и воспитание детей в должном духе. Читая детские сочинения, она подзаряжалась их чистотой и энтузиазмом и возвращала себе улетучивающийся энтузиазм. Может быть, для этого она чаще других учителей давала свободные темы?

Осталось проверить еще три работы. Учительница встала, потянулась, заварила чай, помассировала уставшие глаза. Пристроилась у подоконника, съела пару конфет с чаем. Детская площадка во дворе была полна. Шум, гам, суета, но даже в громком плаче море позитива и сила жизни. Учительница вздохнула: хорошо!

Она вернулась за рабочий стол и открыла тетрадь Ореста. Проверять работы отличников – извечное удовольствие. Шесть полных страниц – молодец, объем выдержал; есть эпиграф, цитаты, красные строки, абзацы – все, что полагается для хорошей работы. Но название темы хлестнуло несуразностью: «Небесные одежды» Небесные одежды? Как это понимать?

Скафандры для космонавтов? Учительница поморщилась: лирику не к месту она не любила. Мысленно поставила первую галочку замечаний: название не научное, неоправданно лирическое.

Однако, эпитафия заставил ее поморгать и был прочитан еще два раза:

*«Чтобы достичь небосвода, за пыль твоих стоп ухвачусь.
До созвездий крутящихся как же еще я домчусь?»*

Приятную усталость и удовлетворение трудоголика сняло как рукой. Учительница читала с нарастающей тревогой, впечатление от работы тяжелело по мере восприятия мыслей автора. Ее мозг автоматически продолжал ставить зарубки замечаний: выбранная тема – не на злобу дня, рассуждения – какие-то философско-мистические, с чего они возникли в сознании десятиклассника? И почему советский старшеклассник вообще интересуется подобным и размышляет об этом? Она вызвала в памяти образ Ореста: всегда чисто и аккуратно одетый, собранный, серьезный, целеустремленный, позитивный юноша. Никогда не заподозришь в нем отвлеченных мыслей! Учительница полагала, что, как правило, представления людей всегда связаны с их переживаниями, редко, когда встречается широкий взгляд на сущее. Неужели он пишет о себе и прочувствовал все то, что излагает? Она посмотрела в окно, освежая восприятие, и снова вернулась к сочинению, но мысли ее по-прежнему метались, насакивали одна на другую, мешая объективному пониманию работы.

Орест спорил с утверждением средневекового поэта Низами из «Сокровищницы тайн», что «Человеку прекрасных, небесных одежд не дано...» Это вместо привычных советскому школьнику мечтаний стать комсомольским вождем, трудится на благо народа и прочее в таком духе! Орест вообще не рассматривал произведение персидского поэта средневекового Востока с точки зрения критики существующего тогда строя, положения угнетенного народа или другой приемлемой для комсомольца позиции. Он размышлял о душе! О душе! И чуть ли не как поп! О возможности, получаемой каждым человеком при рождении, подняться над низменностью своей природы.

Учительница клокотала негодованием, противореча собственным тайным ощущениям: какая низменность природы может быть у строителя коммунизма? Мы же не на загнивающем Западе живем, где разврат и наркотики? И вообще, где Низами, а где мы? С чего это рассматривать современного человека, исходя из утверждений поэта, жившего в ...? Когда он жил? Она задумалась, припоминая. В 12 или 13 веке! А Орест берет его мысли за актуальные и пишет, что Низами не обольщался насчет природы человека, считая ее таковой, что, даже познав лучшие восторги и порывы души, человек при первом же случае окунется в грязь, даже просто предпочтет грязь. Грязь – его природа. Причем вне условий общественно-политического строя, в любое время, в любую эпоху. «Ослу милей корыто» даже если «любовь им (людям) явила дыханье свое» Поняв эти рассуждения учительница растерялась. Что за странная тема? Как ее оценивать? Ей пришлось прочитать работу два раза, с каждым прочтением ее негодование росло, заполняло сознание и краска заливала лицо: о чем думает этот мальчишка?! Душа человека, ослы, пыль стоп, дыханье любви, небесные одежды – что это за ересь? Она встала из-за стола и принялась ходить по комнате, разве что не размахивая кулаками от негодования. Однако скоро села на диван, как-то осунулась, ослабела, перестала соображать и вдруг тихо, но горько-горько расплакалась, комкая в руках клетчатый плед.

Она плакала о своей жизни. О незамужней доле, об оставшемся без реализации женском естестве, о несостоявшейся любви. А ведь был *он*, были надежды, мечты, крылья за спиной. Тогда думалось о *нем*, и ценность жизни измерялась *им*. Тогда и она не думала об общественных задачах, могла жить и в пещерном веке, и в Средневековье. Какая разница, если собственная душа принадлежала не ей – любви, вечности? «Любовь им явила дыханье свое» Тогда они действительно были одеты в небесные одежды, были честны с собой, смелы и счастливы. Никто

и ничто не были ей страшны тогда, лишь один человек мог лишить ее непобедимости и мощи – он. И он лишил.

Лозунги, курс партии, педсовет, родительские собрания, вымпелы появились потом, когда *его* не стало. Она сама выгнала *его*. Узнала об измене, о романе. Нет, о прощении не могло быть и речи, это не в ее характере, не могла любить его больше, просто стала ждать, когда отомрет ее чувство. Оно умирало долго и больно, оставив ее сердце высушенным, как лист гербария. Она знала, что он любил ее, но повел себя как осел, которому милее корыто. Мужское понимание любви включает разумный выбор корыта. Его роман длился больше полугода, на минутное помутнение сознания не спишешь. Зачем ей гнилой овощ в свежем салате ее юной души? Поэтому выбросила его из своей жизни. Поняла, что не он был прекрасен, это ее чувство было прекрасным. Вспомнилось, как после его ухода, она не могла выносить людей, день, ночь, саму себя, ей надо было разгрузить эту ношу, и она ушла в работу. Суета заменила ей гаснущий внутренний свет.

А этот мальчик, десятиклассник, своим рассуждением смотрел в корень жизни. «Как бессильна звезда, что горит обещанием счастья!» Бессильна перед корытом и ослами. Ах, Низами, написал бы ты, что делать людям? Что мешает людям жить по-человечески? Пресловутая слабость плоти! Слабая плоть, испокон веков оскорбляющая восторги души!

Разве поставит она Оресту двойку? За что? Что не пишет, как будет ловить преступников, оберегая безопасность граждан, или как создаст лекарство от всех видов боли, или что будет работать на благо людей? Будет, конечно, будет, никуда не денется. За нераскрытие темы? Нет, конечно. Он прав, тысячу раз прав, чем бы человек не занимался, прежде всего он должен расти в личностном плане, узнать себя, преодолеть природные слабости. Лучше всего человек проявляется в любви, расти в любви сложнее всего, ведь обрести ее проще, чем сохранить.

Если бы можно было поставить отметку за душу, она поставила бы Оресту пять с плюсом. За юношу с уже сложившимся пониманием истинного и суетного можно не беспокоиться, он будет хорошим человеком. В конце концов, разве не основная задача учителя воспитать хорошего человека? Остальное приложится.

Учительница успокоилась, взяла тетрадь Ореста и принялась читать сочинение в третий раз, теперь уже с познавательной точки зрения. Она признала, что работа потрясла ее до глубины души. Ей подумалось, что, как бы удобно мы не приспособились жить в своей реальности, рано или поздно нам встретится камешек, о который мы споткнемся и зададим себе неудобный вопрос, туда ли мы идем? Ее камешком стала работа ее ученика. Но куда ей было еще идти, как не в профессию, после утраты любви? Неужели надеяться на новую любовь? Разве это возможно? Догадка, что возможно, обожгла ее. Ведь были потом у нее другие мужчины, но она сама пускала их в себя только до определенного предела, ей казалось, что, если она станет счастлива, то ее снова предадут, ведь корыта расставлены повсюду. Поэтому она первой оставляла своих мужчин. Боль прошлого отвергала возможное счастье. Она так и не научилась быть компромиссной с мужчинами. Не хотела их не жалеть, не тянуть, не оправдывать, разве это не унижение для них? Унижение мужского духа, как она его понимает. Мужчина тот, кто вызывает восхищение. Ни жалость, ни желание поднять, вытащить, приютить, а восхищение. Чертова носительница идеалов! Ее лицо снова плаксиво искривилось, но она подавила слезы и принялась читать сочинение заново, в четвертый раз.

Юноша утверждал, что человек обязательно должен подняться на такие вершины, на которых засияет его личность, познается суть жизни, и тогда он может примерить «небесные одежды», то есть стать несоизмеримо лучше себя самого. И есть сила, способная поднять его туда, эта сила – любовь. И все в жизни является предпосылкой любви или ее следствием, и нет у обычного человека другой большой задачи, как суметь любить. Любить очень трудно. С каждым днем, годом пребывания в любви в человеке пробуждается желание пренебречь ею,

предать ее, променять полет души на торжество инстинкта. Сама себя любовь защитить не может. «Как бессильна звезда, что горит обещанием счастья»

Учительница кивала: прав, тысячу раз прав Низами. Орест вместе с ним. Эти мысли вне времени, вне эпох, вне политики.

Потом рассматривалась более печальная для нее мысль, что «нет у любви бесследно стигнуть права» и что поруганное чувство не должно становиться препятствием для возникновения нового чувства. Как красиво поэт выразил это: «Брось потертый ковер, уходи из обители мгlistой. Дорожить ли полый, что давно уже стала нечистой?»!

В конце работы Орест соглашался с Низами, что «...только легкие души ценны и желанны для нас» и что в стремлении к розе надо одолеть шипы. Мальчик с головой выдал себя: он любит и полностью зависим от чувства. Легкая душа, роза – Лиля, нет сомнений.

Лиля – слабое место в судьбе Ореста, учительница сочувствовала ему до боли в сердце. Любовь Ореста к Лиле для учителей не была секретом. Но сила, зрелость и глубина чувства ее поразили. Совсем не по-детски. Как бедный мальчик зависим!

Учительница отыскала работу Лили. Здесь все четко, позитивно: буду врачом; лечить людей, не лучшее ли призвание? Потом про большую семью и строгое воспитание будущих отпрысков, чтобы за них не было ни стыдно, ни больно. Совершенно ясно, что отучится, выскочит замуж и погрязнет в семейном быту, в заботах о покупке машины, очереди на кооператив, путевках на море и прочее в том же духе. Очень земная девочка. Вся ее нежность и развитость пойдут исключительно на семью, ею будет все держаться. Наташа Ростова. Альфа и омега жизни. Сама себе источник всему и для близких средоточие смысла – в этом ее сила. Женщина, настоящая женщина. Умеющая жертвовать, но и требующая такой же жертвы в ответ. Что ее может сломить? Отсутствие взаимности, взаимной отдачи.

Учительница ахнула: кто же построит идеальное общество, если лучшие из лучших ее учеников столь приземлены и заняты собой? Возможна ли ты, эра благоденствия? Неприятно резанул вопрос, что, если человек в этой жизни должен расти в любви, или через любовь, а путь этот долгий и трудный, можно сказать, длиною в жизнь, то когда же ему заниматься другими вопросами? Неужели живем только для того, чтобы стать духовно выше? Тогда каждый отвечает за себя и общество ему дело второе, ведь можно жить и вне общества и расти до святости? Тогда как же подвиги, курс партии, лозунги? Получается, общественными делами занимаются те, кто потерпел фиаско в самосовершенствовании через любовь, как она и *он*? От знакомых она знала, что *он* дважды был женат, оба раза жили склочно и расстались с ненавистью, зато сделал блестящую карьеру и занимает высокое положение. Служение обществу – альтернативный путь для самопораженцев? Ересь какая-то! Придет же в голову! Учительница совсем запуталась и замахала головой, вытряхивая из нее сорные мысли.

Из-за сочинения Ореста она была сама не своя несколько дней, он перевернул ее сознание. Ее поразила тонкость душевной организации юноши, то, какую литературу он читает, о чем размышляет и что чувствует. Она призналась самой себе, что человек может быть строителем и созидателем чего угодно, и это не снимает с него обязанности быть человеком, умеющим любить. Орест будет тем мужчиной, который в любви не заметит или сможет пройти мимо корыта. Какая редкость! А прощать? Про прощение у Ореста не было ни строчки. Она усмехнулась: ему еще нечего прощать. Это с возрастом умение прощать становится синонимом умению любить. Любовь держится прощением, становится покалеченной, изломанной, кровоточащей, но держится, кое-как, через судороги души, пока не возникнет вопрос: а надо ли ее держать? Есть ли она, если постоянно случаются сбои? Может, обманываешь сам себя, сберегая несуществующее? Кто знает? У Ореста пока только сила чистоты и полет.

Учительницу не отпускали мысли и чувства. Ей нужно было поделиться своим открытием с коллегами, чтобы облегчить собственные переживания, вызванные работой ученика.

Она зачитала отрывки из его сочинения в учительской тем преподавателям, которым доверяла. Притихшие, посерьезневшие они тоже кивали головами: «Бедный мальчик! Он не принадлежит себе! Как это страшно!» Все они знали, что он любит Лилю, и видели, что ее сердце еще не тронуту чувством.

– Если у них сложится, он расцветет пышным цветом. Мы еще о нем услышим!

– А если нет? Зароет себя?

– Не должен, характер у него сильный. Просто будет жить без внутреннего солнца.

– Да, когда люди делают ставку на что-то и ставка не оправдывается, требуется срок, чтобы оправится и выстроить жизнь по новому сценарию. Главное, не опуститься от разочарования!

– Даже страшно, – передернула плечами учительница биологии, – сколько еще им всем предстоит пережить!

– С ним все ясно, а что с ней? Такая многообещающая девочка!

– Исполняли бы они то, что обещают!

– А она явная Наташа Ростова. Все, что обещает, вбухает в семью.

– Ну и ничем не плохо! Лишь бы ценили!

– В семье стараний столько требуется, что не каждую женщину хорошей женой назовешь!

Жене надо уметь жертвовать.

– Вот именно!

– Низами, да? Поищу, почитаю, интересно!

Пятерка за сочинение по здравому педагогическому размышлению поставлена не была, потому что Орест совсем не затронул общественной пользы, своего будущего вклада в благо народа, а быть индивидуалистом в наше время никак невозможно. Рядом с четверкой учительница оставила строгий комментарий: «Оригинально, но слишком я-чно, без злободневности. Не затронуто значение любви в широком смысле – к Родине, народу и пр. Не проведены параллели с отношением к теме любви других авторов русской и мировой классики. Не затронуто значение (или сравнение) выбранных идеалов в становлении и возвышении личности человека» – когда писала, специально сердито хмурилась, чтобы не задумываться о собственном двуличии, ведь во благо же, нечего ему зацикливаться на себе, успеет еще настрадаться!

А Орест, читая замечания, лишь тонко улыбнулся: «А вот любят шаблоны в датском королевстве!»

Юные выпускники поступили в один институт. Лилия – потому что хотела продолжить династию и стать врачом, Орест – потому что медицинский выбрала Лилия. Оба шли на красный диплом, она – из привычного прилежания и прекрасной памяти, он – потому что вдруг обрел свое дело. Она специализировалась по педиатрии, он заинтересовался урологией, но потом страстно увлекся теорией, что мужские половые органы – это видоизмененные женские, и его поглотила гинекология.

– Ничего себе, тебя заносит из стороны в сторону! – рассмеялась Лилия перемене его направления. – А вроде всегда такой стабильный и консервативный человек!

– Вы, гражданка, плохо знаете подданных датского королевства! Они и не на такое способны, если что-то им понравится!

Живой механизм, обеспечивающий зачатие, развитие и рождение ребенка казался Оресту божественно совершенным, одновременно простым и понятным и сложным и загадочным. На практике он показывал удивительную интуицию в диагностике, ему казалось, он чувствует движение токов, крови, веществ в органах малого таза женщин, чувствует, где сбой и почему.

Преподаватели выделяли Ореста, проча ему блестящее будущее, предлагали остаться на кафедре, не оставлять науку.

Лиля знала, что будет работать спокойно и качественно в какой-нибудь районной поликлинике.

– Протирать юбку, – говорила она, – но протирать так, чтобы не было стыдно! А ты рви выше и дальше!

– Почему же протирать? Ты умница, можешь сделать карьеру.

– Если я правильно себя ощущаю – а я правильно себя ощущаю! – во мне нет ни капли честолюбия. Знаешь, какие во мне бродят силы и желания? – Орест вопросительно поднял брови. – Я буду женой, простой, великолепной женой! Как моя мама, тут яблочко от яблоньки вообще не откатилось, – рассмеялась она. – Только бы мне муж попался хороший, любящий и семейный, как мой папа! Тогда я буду счастлива. Как думаешь, встречу я такого? – она вплотную приблизила лицо к его лицу и он ощутил теплоту ее дыхания и головокругительный аромат кожи. Тонкий, девичий, едва уловимый запах чистоты и прелести, упругой свежести и молодой крови, пульсирующей под тонким слоем эпидермиса. Эпидермис нежнейший! Как же Лиля прекрасна! Как, наверное, сладка!

– В твоём датском королевстве същется для меня подходящий жених?

Орест густо покраснел и смущенно кивнул. Для нее он готов был перевернуть мир, не то, что стать верным и заботливым супругом, когда же она увидит его? Почему она не млеет от него, как он от нее, от его аромата, от его привлекательности, ведь он симпатичен, другие девушки кокетничают с ним? Его выразительные синие глаза и густейшие русые волосы давно стали притчей во языцех сокурсниц. В чем секрет привлекательности? По какой причине возникает притяжение к одним и не возникает к другим? Он не мог этого понять и страдал, ему не хотелось принимать за аксиому, что законы любви никому не ведомы. Что она *дается*, как *далась* ему. Казалось, все сложности существуют для других, у него совсем свой, особый случай, и если не прямо сейчас, то в следующее мгновение или завтра, или в конце недели, но Лиля восплает к нему любовью. Хотя бы потому, что он пылает любовью к ней. Должна же быть награда! Ведь старание и преданность не должны пропадать втуне!

Иногда ее обычная ласка случайно превосходила привычную меру и Ореста охватывал трепет: неужели случилось? Она сама не понимает, что переменялась к нему? И до следующего случая, свидетельствовавшего, что ничего не изменилось, он был упоен счастливым ожиданием подтверждения. В такие периоды он был так силен и вдохновлен, что чувствовал себя способным сотворить мир заново.

На четвертом курсе Новый год встречали большой компанией в студенческом общежитии. Приглашенными оказалось еще множество ребят из разных ВУЗов, было шумно, весело, игриво, потому что молодая кровь бурлила, и все стреляли глазами направо и налево. Лиля выглядела изумительно, она всегда излучала обаятельную женственность и так любимые ею пастельные цвета в одежде добавляли ей аппетитную сладость. В этот вечер глоток шампанского зажег в ее фиалковых глазах такой блеск, что у Ореста не было сил спокойно смотреть на нее. Интуитивно он угадывал в ней чувственную натуру и понимание этого туманило его разум и томило тело. Как сладок должен быть ее вкус! Как упоительны, наверное, ее объятия!

Он твердо решил объясниться в любви до окончания праздника и чем больше собирался с силами, тем ощутимее они оставляли его. Он боялся услышать отказ, вернее, пресловутое заверение в дружбе, братских чувствах и прочем, что его бы убило. Он чувствовал, что Лиля его совсем не воспринимает как мужчину, и сердце его сковывало ледяным ужасом: если откажет, все потеряет смысл. Зачем тогда ему этот мир? Ведь его мир всегда вращался вокруг Лили.

Он уже несколько раз танцевал с ней медленные танцы, трепеща от ее хрупкости и девичьего аромата, и видел, что она совсем не сосредотачивается на нем так, как он на ней. Ей было легко и радостно, она всем улыбалась, получала поздравления и желала чего-то в ответ. Трепет Ореста не достигал ее. Она не различала, с ним танцует или с кем-то другим.

Он сидел с ней рядом за столом и мучительно решался как бы нечаянно взять ее за руку, но руки ее порхали в оживленной беседе, она вертелась и часто толкалась в него плечом. Орест был близок к отчаянию.

Лилю в очередной раз пригласил какой-то парень, Орест приготовился наблюдать привычную картину, как оба смеются и скользят глазами по сторонам, не задерживаясь в веселье друг на друге, но вышло иначе. Парень был спокойный, даже флегматичный, он ничего не говорил Лиле и держал ее на расстоянии от себя, почти на вытянутую руку. Он смотрел на нее, прямо и просто рассматривал ее лицо и его взгляд словно говорил: я – мужчина, вижу тебя, женщину. И Лиля остановилась в праздничном вращении. Она уже не смеялась, не вертела головой по сторонам, тоже смотрела в лицо этому молчаливому парню, трогательно приподняв подбородок. У Ореста перед глазами поплыли белые круги, потом он жалел, что земля не разверзлась у него под ногами и не поглотила его, раз и навсегда освободив от мучений.

Парень взял Лилю за руку, отвел на диванчик у окна, и остаток ночи они провели в разговоре, все так же глядя в глаза друг другу, поглаживая ладони друг друга, а Орест смотрел на них, словно паралитик, которому хочется кричать, но нет никакой возможности.

Расходиться стали поздно, к восьми утра. Лиля вернулась к Оресту, и они отправились домой вдвоем, как делали это всю свою жизнь, разве что оба молчали, каждый о своем, нахлебавшись на морозе, глядя под ноги, не высовывая рук из карманов, громко похрустывая снегом. Душа Ореста разрывалась, Лилина пела, а небо рождало умопомрачительный восход, торжественно и щедро утверждая первый день нового года, но неблагоприятные юные земляне совсем этого не замечали.

Вечером Орест по обыкновению поднялся к Лиле, ему мучительно хотелось увидеть ее, побыть с нею рядом, удостовериться, что ничего страшного не случилось и все между ними по-прежнему. В прихожей сияющая Лиля шепнула ему:

– У меня Гена! Помнишь его? Вчера познакомились.

Оресту потребовалось время унять накалившую черноту и слабость, и он замешкался с тапками и прошел в ванную вымыть чистые руки.

– Познакомьтесь! – официально представила Лиля поднявшегося с дивана молодого человека. – Геннадий, тоже будущий медик, хирург, правда, из другого ВУЗа. А это мой Орест, мы с ним с трех лет вместе, как сиамские близнецы. – Она обняла Ореста за плечо, мягко заглянула ему в глаза, ожидая подтверждения. Орест пожал протянутую руку, кивнул и деревянной колодой плюхнулся на диван. Говорить сейчас ему было трудно, но этого от него никто и не ждал, новому знакомому и Лиле вполне хватало друг друга. Сквозь шум в ушах и чуть плывущее сознание Орест смотрел на них, идиотски улыбаясь.

Приходилось признать, что к Геннадию трудно придраться. Он был симпатичным брюнетом, на удивление органичным в поведении, и чувствовал себя как дома. Орест хаживал к Лиле в гости чуть ли не каждый день на протяжении почти двадцати лет и все равно всегда оставался чуть напряженным, боялся совершить какой-то промах, не соответствовать семье Дубровских. Он старался дотянуться до них и все никак не мог почувствовать себя равным. Гена же смотрел на Лилю ласково, без суеты и заискивания, как будто это он знал ее с младенчества и был вхож в дом целую вечность. Говорил он с ней с добродушием и нежностью родственника, то ли снисходительно, то ли поощрительно, то ли завуалированно выражая свою

приянь. Называл ее исключительно Лилечкой и выходило это так же естественно, как у ее родителей. Сколько лет Орест тайно ждал момента, когда у него появится право называть ее по-семейному, Лилечкой, и только мысленно позволял себе такую вольность! Его лоб с каждым толчком крови изнутри бил вопрос: почему так? Где справедливость? Разве не он заслужил право на то, что так непринужденно присвоил себе Геннадий?

Потрясение и возмущение Ореста в конце концов ослабели и он оказался способным лучше наблюдать за ними. Он поражался все больше и больше: откуда взялись между этими двумя доверие, приятие и притяжение, если они знакомы всего несколько часов? Откуда? Почему? Кто из них старался для возникновения близости? Он знал, что никто. Если бы он сам не видел момент их знакомства и сейчас не наблюдал за характером их общения, то не поверил бы, что такое бывает. У них все возникло само собой. Как будто так и было задумано. А что делать ему? Ему, положившему смысл своего существования на то, чтобы приблизиться к Лиле? В душе Ореста разливались растерянность и возмущение. Казалось, что его жестоко обманули, но кто? Кто и в чем?

Лариса Ивановна пригласила всех к столу, и Гена спокойно и совершенно по-свойски беседовал с ней и с Петром Ивановичем, рассказывая что-то о последней премьере в Ленкоме, где блистал Леонид Каневский. Они все говорили на одном уровне, это чувствовалось. Стол был заставлен угощениями, впрок наготовленными на новогодние праздники. Ореста неприятно резануло, что он скован и стесняется положить себе чего-либо, а Геннадий успел отведать всего понемногу, расхвалил каждое блюдо, особенно восторгаясь говяжьим холодцом. Мол, сроду не видел такого высокого и прозрачного студня! Хозяйка сияла от удовольствия и озабоченно всплеснула руками, что забыла подать черный хлеб. Как же можно кушать студень без черного хлеба? Быстро исправила оплошность и пододвинула к Геннадию еще и вазочку с маринованными маслятами. Оресту было обидно до слез, почему он, тысячу раз евший у них, всегда робел и только встав из-за стола, проглатывая слова, наспех, как будто что-то плохое, выдавал: «Спасибо, было очень вкусно» И ему всегда снисходительно кивали: «На здоровье!» Он ненавидел эту снисходительность! Ненавидел! Именно за то, что сам ее вызывал.

Лариса Ивановна смотрела на Геннадия с восхищением и одобрением, было очевидно, что она в восторге от нового знакомого дочери и уже рисует себе счастливые картины будущего. К Оресту она всегда была лишь покровительственна. Раньше Орест не раз спрашивал себя, почему родители Лили не препятствовали их дружбе, ведь его семья для них имела значение. И льстил себе, считая, что они видят в нем перспективного молодого человека, способного достичь такого положения в обществе, которым можно гордиться и дать счастье их дочери. Но сейчас пришел другой ответ: они не беспокоились, потому что видели, что Лиля к нему равнодушна как к мужчине. Вот почему они всегда были к нему сдержанны – боялись обнадежить! Как все это унижительно! Обидно и унижительно!

Еще два года Орест терзался тайной ревностью и надеждой, что отношения Лили и Гены разладятся, он познал муки сердца и много раз ему казалось, что он больше не выдержит видеть их вместе. Любимое, обожаемое лицо его нежной Лили целовал другой. Она смотрела с бесконечным восхищением на другого, подсовывала пирожки и снимала ворсинки с пиджака другого, и норовила прижаться и приласкаться не к нему, Оресту. Много раз несчастный Орест давал себе клятвенное обещание не общаться с ними, но не хватало никаких душевных сил не видеть Лилю, не слышать ее голос, не чувствовать ее аромат. Товарищи дорогие, ведь она и есть его жизнь!

Какой мукой для него было видеть чувственность их отношений! Множество самых разных изменений в глазах Лили, в ее лице, в движениях тела и прочих едва уловимых глазом

реакций свидетельствовали Оресту, что Лиля – улада для мужчин, что она чувственная женщина. Как она млела от прикосновений и поцелуев Геннадия, как менялось выражение ее лица, иногда становясь неприкрыто сладострастным! Иногда это даже отталкивало. Как самка. Однажды в кафе Геннадий положил руку на спинку дивана, он сидел рядом с Лилей и казалось, будто он обнимает ее, а Орест сидел напротив них. Лиля посмотрела в окно, потом на руку Гены, упавшую ей на плечо. Она не могла отвести взгляда от его широкой, крепкой кисти и ее лицо приобрело тяжелое, какое-то звериное выражение, как будто она хотела, чтобы эта рука покрыла ее, желала впиться зубами в мясистую плоть ладони и изжевать ее. Орест смутился, никогда бы он не подумал, что столь спокойная в жизни девушка может испытывать такие сильные чувства. Эта жадность к страсти его несколько испугала, смог бы он насыщать ее, стать они парой? Лиля всегда казалась слишком чистой и возвышенной. В своем воображении он лишь нежно и робко касался ее губами. Даже в наивысшие пики своего чувства к ней и физического желания он испытывал нежность и хотел ласкать ее губами, руками, словами, долго и трепетно, чтобы она внимала ему и таяла в шелке его неги. То, что он открыл в ней, к неге не имело отношения и почти шокировало его. Он боялся признать, что робеет перед ее темпераментом, страшится не соответствовать ее запросам, и этот страх существовал независимо от того, что Лиля ему не принадлежала. Это добавляло ему неуверенности в себе – никогда он не будет ровней ей, не вызовет желания подчиниться ему. Никогда он не хотел партнерства с ней, жаждал обрести ту мужскую силу в себе, которая подчиняет любое женское начало. Каким-то наитием он угадывал, что женщина подчиняется тому, кто ее восхищает. Он хотел восхищать ее и старался для этого, но она почему-то не восхищалась. Однако со временем смятение его успокоилось тем, что все пары в конце концов прилаживаются друг к другу, приладились бы и они. Иногда Орест горько усмехался, что мысленно строит отношения с Лилей, несмотря на Геннадия. Любовь упряма. Молодость упряма. Только судьба неумолима.

Конец ознакомительного фрагмента.

Текст предоставлен ООО «ЛитРес».

Прочитайте эту книгу целиком, [купив полную легальную версию](#) на ЛитРес.

Безопасно оплатить книгу можно банковской картой Visa, MasterCard, Maestro, со счета мобильного телефона, с платежного терминала, в салоне МТС или Связной, через PayPal, WebMoney, Яндекс.Деньги, QIWI Кошелек, бонусными картами или другим удобным Вам способом.